

Ю.А. Крячкина

О ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ АТР

Аннотация. Начиная с декабря 2022 г., когда японским правительством были приняты новые редакции Стратегии национальной безопасности, Стратегии национальной обороны и Плана оборонного строительства, Токио предпринимает активные усилия по наращиванию своего военного потенциала и изменению существенно важных положений в своей стратегии в области национальной безопасности. В частности, среди ключевых пунктов вышеуказанных документов заявлено повышение расходов на оборону до 2 % ВВП к 2027 г. по образцу НАТО и получение потенциала «нанесения контр-удара» по предполагаемому противнику. По мнению автора, изменение политики Японии в области безопасности ведет к обострению ситуации в АТР и создает дополнительные вызовы для обеспечения безопасности РФ и Китая.

Ключевые слова: Япония, АТР, Стратегии национальной безопасности, Ф. Кисида.

Автор: Крячкина Юлия Александровна, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9164-480X.
E-mail: kryachkina@iccaras.ru

Kryachkina Yu.A.

Japan's National Defense Policy and its Implication for the Situation in the Asia Pacific

Abstract. Since December 2022, when the Japanese government adopted new versions of the National Security Strategy, the National De-

fense Strategy and the Defense Construction Plan, Tokyo has been making active efforts to build up its military capabilities and change significant provisions in its national security strategy. In particular, among the key points of the above documents, an increase in defense spending to 2 % of GDP by 2027 was announced, modeled on NATO and obtaining the potential for “counterattack” on the alleged enemy. According to the author, a change in Japan’s security policy leads to an aggravation of the situation in the Asia-Pacific region and creates additional challenges to ensure the security of the Russian Federation and China.

Keywords: Japan, APR, National Security Strategies, F. Kisida.

Author: Yulia A. Kryachkina, Senior Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9164-480X. E-mail: kryachkina@iccaras.ru

Переход к новой фазе развития политики Японии в области безопасности обозначился в декабре 2022 г. с принятием Стратегии национальной безопасности, Стратегии национальной обороны и Плана оборонного строительства в своих очередных редакциях. Среди ключевых пунктов данных документов было заявлено, в частности, повышение расходов на оборону до 2 % ВВП к 2027 г. по образцу НАТО и получение потенциала «нанесения контрудара» по предполагаемому противнику.

Основным поводом к принятию второй (с 2013 г.) редакции Стратегии национальной безопасности Японии, по утверждениям кабинета Ф. Кисиды, стало существенное изменение региональной ситуации в сторону расширения угроз. Впервые в японских доктринальных документах Китай был назван «величайшим стратегическим вызовом» для Японии, возросло количество упоминаний проблемы Тайваня. Вместе с тем, японские власти указали на необходимость выстраивания конструктивных отношений с Пекином для обеспечения безопасности в регионе, что отразило продолжающуюся в политической элите страны дискуссию о будущем японо-китайских отношений. Также большую угрозу, чем прежде, согласно Стратегии, стали представлять действия КНДР. Наконец, в документе японские власти обозначили, что политика России «вызывает серьезную озабоченность в сфере безопасности», особенно в связи с развитием российско-китайского сотрудничества. Эти формулировки пришли на смену словам о необходимости развития партнерских отношений с Москвой.

«Ухудшение региональной ситуации в области безопасности» стало обоснованием включения в Стратегию положений о получении Японией «потенциала контрудара по территории предполагаемого противника». Данный тезис вызвал предсказуемо негативную реакцию соседей по региону и был неоднозначно воспринят в японском обществе. Прежде всего, правительство Кисиды раскритиковали за нарушение мирного характера Конституции. Однако власти страны настаивают, что возможность контрудара не противоречит главному закону страны при соблюдении «трех условий применения силы» (нападение на страну является неизбежным, отсутствует иная возможность его остановить, применение силы ограничено необходимым минимумом). Более того, повышению уровня одобрения данного решения среди населения (от 50 до 61 %, по разным опросам) способствовало и широкое развертывание в японских СМИ сугубо прозападного освещения украинского кризиса с упором на повышение рисков возникновения полномасштабного конфликта в Восточной Азии.

Указанную цель Токио планирует реализовывать путем модернизации собственного производства ракет большой дальности. В апреле 2023 г. Министерство обороны Японии подписало с Mitsubishi Heavy Industries ряд контрактов на начало массового производства в текущем финансовом году двух видов уже существующих ракет (наземной Type-12 и гиперзвуковой), а также усовершенствования к 2026 г. ракет Type-12 с доведением их дальности до 1000 км (в 5 раз больше нынешних характеристик) с возможностью воздушного и корабельного базирования. Кроме того, в июне 2023 г. было объявлено о подписании с Kawasaki Heavy Industries контракта на разработку в период с 2023—2027 гг. новой противокорабельной крылатой ракеты дальностью полета до 2500 км.

Также кабинет Кисиды заявил о планах закупки у американских партнеров порядка 400 крылатых ракет Tomahawk. Соответствующее соглашение должно быть заключено в 2023 фин. г., с тем, чтобы к 2026—2027 г. разместить ракеты на эсминцах морских Сил самообороны, оснащенных системой ПРО Aegis.

По заявлениям японских официальных лиц, постановка данных ракет на боевое дежурство должна обеспечить защиту так называемых удаленных островов на юго-западе страны. В то же время эксперты отмечают, что заявленная дальность позволяет говорить об обретении потенциала нанесения ударов по материковой части Китая. В зоне досягаемости также окажется ряд дальневосточных районов России.

Способствовать наращиванию японской военной мощи, согласно принятым документам, должно увеличение расходов на оборону до 2 % ВВП (вразрез с действовавшим ранее самоограничением в 1 % ВВП). По мнению американских специалистов, в результате Япония к 2027 г. может выйти на 3-е место в мире по уровню оборонных затрат после США и КНР. Вместе с тем, хотя планируемый рост бюджета до 2 % ВВП является значительным, он не означает автоматического удвоения расходов на оборону, поскольку Токио меняет методику расчетов. Так, в бюджет войдут дополнительные статьи, ранее не отраженные в нем, в частности, расходы на обеспечение Береговой охраны. В результате, по некоторым оценкам, фактический рост японских военных расходов (в сравнении с предыдущим периодом) может составить порядка 1,6 раза.

При этом, как отмечает ряд экспертов, заявка Токио на увеличение оборонного бюджета может столкнуться с определенными трудностями в реализации. Наиболее вероятными источниками финансирования могут послужить: дополнительный выпуск облигаций государственного займа; повышение корпоративного налога и акцизов на табак; сокращение и перераспределение иных расходов национального бюджета. Сам премьер-министр Кисида выступает за использование двух последних инструментов, но его планы встречают критику даже в рамках правящей Либерально-демократической партии Японии, ряд членов которой склонны поддержать наращивание госдолга. Обосновывается это, в частности, и без того серьезной нагрузкой на бюджет страны в социальной сфере и неоднозначным отношением населения к потенциальному повышению налогов. Данные факторы в совокупности ставят под вопрос выполнение поставленных целей в указанные сроки и дальнейшую устойчивость финансирования новых оборонных программ.

Происходящий процесс пересмотра японской политики безопасности свидетельствует о постепенной смене ролей в союзе с США. В частности, обретение Токио контрударного потенциала может изменить устоявшуюся структуру альянса, где Япония традиционно выполняла роль «щита», а США — «меча». Планируемое перераспределение потенциалов и возможностей также отвечает желанию США, переживающих не лучшие времена, переложить часть военного бремени на своих союзников. В новых условиях в рамках альянса может потребоваться переосмысление двусторонних процессов консультаций, принятия решений и командования. Японские специалисты указывают на тот факт, что страна стремится стать частью «совокуп-

ной силы». Вместе с тем, это может способствовать ухудшению японо-китайских отношений и, соответственно, еще больше обострить региональную обстановку в области безопасности.

Содержание новой Стратегии и планов по наращиванию военной мощи Японии свидетельствуют о том, что Токио последовательно ведет линию на размывание ограничений в военной сфере, наложенных на Японию по итогам поражения во Второй мировой войне, и напрямую затрагивает интересы безопасности Китая и России, что может потребовать от нас дополнительных мер военно-технического характера для парирования угроз.

Особого внимания в этой связи заслуживает вопрос производства в Японии ракет большой дальности. Данный аспект может спровоцировать гонку вооружений в Восточной Азии и АТР. Таким образом, любое возобновление политического диалога РФ и Японии подразумевает необходимость детального обсуждения данного вопроса для контроля ситуации в области региональной безопасности.